

М.В. Губина*

«ВОЙНА ПЕРЬЕВ» В 1812 ГОДУ

Вступление: тема и источники исследования

Наполеоновские войны стали новым этапом в военной истории Франции и Европы, что подтверждается, в частности, фактом формирования целого комплекса пропагандистской литературы. 7 октября 1805 г. – дата «рождения» «Бюллетеня Великой Армии», наиболее полно и ярко воплотившего в жизнь наполеоновскую идею военно-политической пропаганды. «Публикуя “Бюллетень”, император преследовал три цели. [Во-первых], солдатам сообщались перипетии боев и сражений, в которых те участвовали, и объявлялись имена самых отличившихся из них. [Во-вторых, через] “Бюллетень” [император обращался] к гражданскому населению, заботясь о поддержке духа нации. Публичные чтения “Бюллетеня” организовывались в образовательных учреждениях, церквях и театрах. И наконец, [в-третьих], через “Бюллетень” Наполеон пытался повлиять на формирование у последующих поколений определенного — нужного ему — видения исторических событий, творцом которых он являлся»¹. 29 выпусков «Бюллетеня Великой Армии» увидели свет в период с 20 июня по 3 декабря 1812 г.², и большая часть из них освещала наступление Великой Армии.

Масштаб наполеоновского пропагандистского замысла был оценен уже современниками. Необходимость противостоять Наполеону не только на поле боя, но и на пропагандистском поприще обосновывали профессор Дерптского университета А.С. Кайсаров и Ф.Э. Рамбах свое предложение об организации при Главной квартире армии походной типографии³. А.Г. Тартаковский подчеркивает «специфически пропагандистское назначение» созданной по их предложению типографии, которая стала «первым опытом организации при армии агитационного центра» в отличие от уже существовавших ранее при русских

* *Майя Викторовна Губина, доктор истории, сотрудник Межуниверситетской библиотеки Сорбонна (Париж), преподаватель университета Париж XII (Paris-Est Creteil).*

¹ *Fierro A., Palluel-Guillard A., Tulard J. Histoire et dictionnaire du Consulat et de l'Empire. P., 1995. С. 575.*

² Все даты даны по новому стилю.

³ См.: Доклад профессоров Дерптского университета Ф. Э. Рамбаха и А. С. Кайсарова военному министру и главнокомандующему 1-й Западной армией М. Б. Барклаю-де-Толли об организации при Западных армиях походной типографии. 1812 г. июня не позднее 5 // Листовки Отечественной войны 1812 года. Сб. документов. М., 1962. С. 145–148.

армиях типографий, которые печатали исключительно текущую военно-оперативную документацию⁴.

Отметим существенную разницу между методологическим подходом французских и русских авторов пропаганды. При редакции каждого выпуска «Бюллетеня Великой Армии» Наполеон обращался сразу к трем указанным выше аудиториям и не считал нужным (а также скорее всего и не имел технической возможности преодолеть лингвистическую преграду) обращаться к войскам и/или гражданскому населению Российской империи. Тогда как Кайсаров и Рамбах (с августа Кайсаров останется единственным директором типографии) выпускают сразу несколько разных типов документов⁵. Одни из них были предназначены для распространения среди личного состава Великой армии (оставлялись на пути ее следования), другие должны были извещать гражданских и военных подданных Российской империи о состоянии дел на фронте. Эти две группы документов неизбежно различались не только по содержанию, но и по форме, будучи опубликованы на разных языках. Документы первой группы издавались главным образом на французском и на немецком языках⁶, а документы второй группы печатались по-русски и по-польски. Вниманию французов и западной европейской прессы предлагались также *Nouvelles officielles de l'armée*, в которых русское командование излагало свою версию военных действий, опровергая тем самым данные наполеоновских «Бюллетеней» (в одном из документов этой подгруппы обыгрывается даже французская поговорка «лгать как Бюллетень»⁷).

Для сравнительного исследования нами будет использована с русской стороны подборка документов, опубликованных Р. Е. Альтшуллер и А. Г. Тартаковским в известном сборнике 1962 г., с французской — полный сборник «Бюллетеней Великой Армии» за 1812 г.

⁴ См.: [А. Г. Тартаковский, Комментарий к «Докладу профессоров...»] // Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 150.

⁵ См.: Там же. С. 14.

⁶ В 1813 году эта группа документов будет распространяться также и среди гражданского населения центральноевропейских и западноевропейских территорий.

⁷ См.: Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 82. «Бюллетени Великой Армии» вызвали двойственное отношение к себе французских современников. С одной стороны, эти документы позволяли следить за бурной деятельностью императора на европейской сцене, но с другой — все более широкие круги французского общества относились со все большей осторожностью к достоверности сообщаемых сведений о постоянных успехах французского оружия. См. в частности: *Le Couëdic S. Menteur comme un Bulletin...* // *Bulletins de la Grande-Armée. Campagne de Russie. 1812.* / Éd. par S. Le Couëdic. P., 1997. P. I–IV.

Сравнительный анализ русских и французских источников

Прежде всего характер проанализированных пропагандистских документов неизбежным образом отражает разницу в позиции противников: позиции обороняющихся и нападающих.

Забываясь об обосновании своей завоевательной политики, Наполеон резюмирует в первых двух «Бюллетенях» 1812 г. (от 20 и 22 июня) «ошибочную» политику Российской империи, которая якобы и привела к войне. А в своем обращении к армии, в котором он объявляет о начале военных действий, Наполеон формулирует четкую цель: «прекратить дерзкое вмешательство России в дела Европы, имевшее место в течение последних пятидесяти лет»⁸. В русских же документах июня-июля 1812 г. неприятель обвиняется в «неожиданном» нападении, которому даются эмоционально окрашенные этические оценки - «наглое» и т. д.⁹ А краткое напоминание о том, что «легионы врагов всеобщего спокойствия наполняют землю ужасами и бедствиями войны» уже в течение двадцати лет¹⁰, остается без развития.

Другое характерное отличие между русскими и французскими документами заключается в использовании терминов.

Так, на протяжении всей войны редакторы «Бюллетеней Великой Армии» в равной степени используют как этнонациональные названия противника («русские», «русская армия», «русские войска», а, также, «казаки») так и более общий термин «неприятель» (*ennemi*). Заметим в этой связи, что образ казаков остается в рамках уже известного стереотипа, состоявшего из трех основных и, кстати, достаточно достоверных элементов: атака большим количеством, действия против арьергардов, нецивилизованная «дикость» внешнего вида. Примечательно, что даже во время ужасного отступления к этому образу не добавляется существенно новых более жутких и неправдоподобных деталей¹¹.

В русских документах, обращенных к жителям Российской империи, используется практически исключительно термин «неприятель», реже

⁸ Second bulletin de la Grande Armée, Wilkowsky, le 22 juin 1812 // Pièces officielles et bulletins de la Grande Armée. Année 1812 (Extrait du Journal officiel). P., [1812]. P. 64.

⁹ Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 22. В целях краткости мы не будем указывать полные названия цитируемых документов.

¹⁰ Там же. С. 21.

¹¹ Это произойдет в 1814 году, когда образ казака-людоеда будет активно использоваться не только в текстах сторонников отрекшегося императора, но и, что особенно примечательно, в пропагандистских листках, вышедших из-под пера роялистов, так часто изображаемых в историографии почти «прорусской партией» французского общества. См. подробнее об этом 4-ю главу нашей диссертации на соискание научной степени доктора исторических наук Сорбонны, защищенной в 2007 году (в открытом доступе: http://www.theses.paris4.sorbonne.fr/these_goubina/paris4/2007/these_goubina/html/index-frames.html).

«враг»¹². Упоминания имени и титула императора Наполеона и использование прилагательного «французский» появляется в данной подгруппе русских документов только в конце войны и все же остается редким¹³. Даже понятие многонациональности Великой Армии появляется только в ноябре¹⁴. Более регулярно термины «французы», «французская армия» появляются только в текстах, предназначенных для военнослужащих Великой армии и европейской публики и изданных на европейских языках. Однако и в этих документах не наблюдается регулярного и четкого разграничения между образом французов и фигурой их военачальника.

Сравнительный терминологический анализ русских и французских текстов позволяет также отметить другие элементы присутствующего в них образа врага. В продолжение всей войны французские «Бюллетени» сохраняют достаточно корректный стиль по отношению к противнику. Во время наступательного движения Великой армии намеки на техническую отсталость русских и их «варварский» стиль ведения войны даже перемежаются с почти привлекательными описаниями сельского хозяйства и городской архитектуры¹⁵. И только московский пожар заставляет редакторов «Бюллетеня» сменить свой покровительственно-нисходительный тон на возмущение бандитами (*brigands*) и мошенниками (*scélérats*), которые по указке Ростопчина «уничтожили Москву – один из самых красивых и самых богатых городов мира»¹⁶.

Стиль документов, напечатанных в походной типографии при русском Генеральном штабе, разнится в зависимости от аудитории, к которой они обращены. Так, в документах для русского читателя образ врага часто сопровождается эпитетами с ярко выраженной негативной окра-

¹² А. В. Горбунов подчеркивает собирательность образа врага, созданного в русских листовках: «“Образ врага”, грозного и непобедимого, был создан к 1812 г. самим императором Наполеоном, его многолетними победными войнами, его политикой в завоеванной Европе. Этот образ в русских армейских листовках 1812 г. выражался понятием “неприятель”, в котором слились властолюбие и агрессивность Наполеона, грабительство и святотатство его солдат, покорность европейских народов, включая самих французов. Русская военная пропаганда была направлена не против Наполеона, а против этого единственного неприятеля, “врага”, “злодея”, нашествие которого воспринималось в России как грозное стихийное бедствие». *Горбунов А.В. Характеристика неприятеля в русских армейских листовках 1812 года // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VII Всероссийской научной конференции (Бородино, 1998 г.). Бородино, 1999. С. 29.*

¹³ Однако как замечает А. В. Горбунов, «авторы листовок не торопились, опережая события, развенчать образ Наполеона как непобедимого полководца». Там же. С. 26.

¹⁴ См.: Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 64.

¹⁵ Подробнее об этом см. первую главу нашей диссертации (ссылку см. выше).

¹⁶ *Vingtième bulletin de la Grande Armée, Moscou, le 17 septembre // Pièces officielles et bulletins de la Grande Armée. P. 233–235.*

ской: «алчный», «наглый», «хитрый», «завистливый» и т. п. В обращениях к населению западных губерний образ противника нейтрален. В обращениях к европейской публике официальных опровержениях «Бюллетеней» нередко звучит ирония, а немецким, испанским и португальским солдатам Великой армии напоминает о «порабощении» их родины. Любопытно, что призывая воинов Великой армии разных национальностей (в том числе французов!) сложить оружие и прекратить войну, русская пропаганда предлагала им или возвращение на родину, или «жилище и пристанище в прекрасных регионах Южной России»¹⁷.

Наконец, в воззваниях к французским солдатам признаются положительные качества их нации («храбрая», «достойная» и т. д.) в противопоставление ее «ненасытному повелителю». В последнем декабрьском воззвании проведена еще более явная разграничительная черта: французский император упоминается под именем Бонапарта и называется «чужеземцем»¹⁸. Данный пропагандистский ход не только выражал стратегию российской политики в отношении Франции (которая примет конкретное выражение в действиях Александра полутора годами позднее), но и свидетельствовал о внутренних поисках своей идентичности российской франкофонной элитой¹⁹, культурные ценности которой были теперь освещены новым светом — светом московского пожара.

Пожар древней русской столицы, продлившийся с 14 по 20 сентября, поразил воображение как русских, так и французских современников. Имя виновника этого события было сразу же объявлено в 19-м – или первом «московском» – выпуске «Бюллетеня Великой Армии» от 16 сентября. Надежда на возможность заключения мира не позволила Наполеону распространить обвинение в этом варварском деянии на более широкие и / или более высокопоставленные круги русского общества. Русская официальная версия, по которой виновными в поджоге столицы оказывались

¹⁷ Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 24. Укажем, что определенное количество французских пленных воспользовалось «приглашением» и осталось в России в статусе поселенцев («colons»), а некоторые из них даже перешли в православие и полностью ассимилировались с населением империи. См.: *Boudon J.-O. Napoléon et la campagne de Russie*. 1812. P., 2012. P. 261.

¹⁸ См.: Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 126.

¹⁹ М.-П. Рей первая указала на то, что корсиканское происхождение Наполеона и проистекавшая из этого возможность называть его не французом, а корсиканцем (или «чужеземцем» по отношению к французам) облегчали обостренную французским нашествием проблему самоидентификации русской аристократии. См.: *Rey M.-P. L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie*. P., 2012. P. 207. О проблеме самоидентификации разных социальных групп русского общества см.: *Митрофанов А., Тюпа Я.* Война 1812 года: «Свои» и «чужие» в «Записках» А. Х. Бенкендорфа // *Опыты историко-антропологических исследований*. М., 2002. С. 127–136.

французы, была объявлена в «Известиях из Москвы от 17[/29] октября», опубликованных 7 ноября²⁰. Любопытно, однако, что, несмотря на это, Кутузов позволил себе признать ответственность русских за московский пожар в «частной» беседе государственного значения, состоявшейся у него 5 октября с наполеоновским посланником генералом Лористоном. Цитаты из этой беседы приведены в «Официальных известиях из армии», напечатанных по-французски и рассчитанных на распространение среди европейцев²¹. В других документах, обращенных как к русской, так и к европейской аудиториям, вопрос об ответственности за московский пожар не ставится вовсе, но зато регулярно напоминает об ограблении французами православных храмов. Наконец, активно проводится ставшая популярной на многие годы и даже десятилетия идея о том, что потеря Москвы не означает еще гибели России, а в декабрьских прокламациях сдача Москвы «без всякой битвы» вообще преподается в качестве заранее запланированного и оправдавшего себя стратегического хода²². Как и чем можно объяснить подобное расхождение в официальных трактовках одного из ключевых событий эпохи? Вопрос пока остается открытым... Заметим только, что в интерпретации событий, предложенной в прокламациях походной типографии, просматриваются отзвуки одной из моделей самовосприятия русских и их восприятия противника. Приверженцы этой модели (самым рьяным из которых показал себя Ростопчин, чьи афишки явились почти классической ее иллюстрацией) не только якобы соглашались с образом «варваров», который был закреплен за русскими в европейском сознании, но и видят в своей «отсталости» от европейской цивилизации залог победы над противником²³.

Вместе с тем надо отметить, что с самого начала войны в обеих группах русских прокламаций – рассчитанных на русскую и на европейскую аудитории – присутствует идея о том, что борьба с Наполеоном носит не только общенациональный (параллели с Испанией иллюстрируют этот тезис), но и общеевропейский характер. В данной перспективе получило новый смысл самопозиционирование русского общества. Так, в призыве к жертвам ради победы, обращенном к дворянству, говорится: «оправ-

²⁰ См: *Тартаковский А.Г.* Показания русских очевидцев о пребывании французов в Москве в 1812 г. // *Источниковедение отечественной истории.* М., 1973. С. 255.

²¹ См.: *Листовки Отечественной войны 1812 года.* С. 47.

²² См., например : Там же. С. 55, 95, 99 и т. д.

²³ Другой яркий тому пример: освещение партизанских и казачьих действий, которые получают абсолютно положительную оценку в русских прокламациях и сдержанно квалифицируются «нетрадиционными» методами борьбы в «Бюллетенях Великой Армии».

дайте сами поступками мнение, которое имеет о вас целой свет»²⁴. Известно, что источники личного происхождения 1812 г. подтверждают понимание русскими современниками значения их борьбы против Наполеона для судеб всей Европы. Осознание все более широкими слоями русского общества собственной роли в Европе получит в дальнейшем свое продолжение сначала в политике Александра I, попытавшегося оставить самое положительное впечатление о своих подданных в 1813–1814 гг., а потом сыграет свою роль в формировании новых прогрессивных течений общественной мысли.

Вместо заключения

«Бюллетень Великой Армии» безусловно является одним из образцовых примеров военно-политической пропаганды²⁵. Подборка всех его номеров, выпущенных в 1812 г., составляет единый по своей природе и логике комплекс документов. Наполеоновское перо было выверенным и отточенным. Русская интеллектуальная и политическая элита попыталась сформулировать достойный ответ противнику на пропагандистском поприще, что повлекло за собой появление хотя и менее цельного, но зато более разнообразного по своим целям и характеру, формальным и содержательным признакам комплекса документов.

Сравнительный анализ русских и французских пропагандистских текстов 1812 г. является таким образом дополнительной иллюстрацией ментальной картины Отечественной войны: атака хорошо налаженной французской военной машины, временно нарушив традиционный уклад российской жизни, способствовала самовыражению, к сожалению, тоже более или менее временному, дремавших интеллектуальных сил русского общества.

Предложенный здесь краткий анализ текстов русской и французской военно-политической пропаганды 1812 г. позволяет еще раз сделать вывод о пользе подобных сравнительных исследований не только для изучения истории взаимного восприятия народов, но и для более углубленного понимания национального исторического прошлого каждого из протагонистов.

²⁴ Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 37.

²⁵ Именно «Бюллетень» стал одним из самых мощных орудий Наполеона в формировании им так называемого «мифа» эпохи. См.: Boudon J.-O. Un Outil de propagande au service de Napoléon: Les Bulletins de la Grande-Armée // Armée, guerre et société à l'époque napoléonienne / Sous la dir. de J.-O. Boudon. P., 2004.